

Патлаевский Иннокентий Иустинovich

Курс финансового права

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
И66

И66 **Иннокентий Иустинович П.**
Курс финансового права / Патлаевский Иннокентий Иустинович – М.: Книга по Требова-
нию, 2024. – 412 с.

ISBN 978-5-521-27357-7

ISBN 978-5-521-27357-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Такова, по нашему понятію, нравственная фizioномія этого университетскаго дѣятеля, таково общее впечатлѣніе, произведенное на насъ его частною жизнью и университетскою дѣятельностью. Изъ обѣихъ этихъ сферъ я припомню наиболѣе крупные факты, вполне, въ моихъ глазахъ, подтверждающіе вышеформулированную характеристику.

Увидѣвъ впервые свѣтъ въ захоlustѣ (Золотоноша — уѣздный городъ Полтавской губ.) и находясь, въ отроческій періодъ своей жизни, на попеченіи далеко небогатыхъ средствами родителей, Иннокентій Іустиновичъ, только благодаря своимъ выдающимся способностямъ и трудолюбію, получилъ возможность возвыситься надъ тѣмъ уровнемъ образованія, какое можно было получить въ уѣздномъ училищѣ роднаго города. Ревизуя это училище, когда оканчивалъ въ немъ курсъ И. І., тогдашній и нынѣ здравствующій директоръ Полтавской гимназіи, А. А. Глушановскій изъ толпы учениковъ сразу выдѣлилъ будущаго профессора. Обративъ свое вниманіе на талантливаго мальчика, г. Глушановскій далъ И. І. возможность продолжать образованіе въ ввѣренной ему и тогда процвѣтавшей гимназіи. Здѣсь Иннокентій Іустиновичъ вновь отличился, будучи при окончаніи курса награжденъ медалью.

Окончивъ такъ блистательно гимназическій курсъ, юноша, конечно, не могъ на этомъ остановиться.

Если всегда и всякій молодой человекъ, такъ блестяще завершившій общее образованіе, стремится къ высшему, спеціальному, то тѣмъ болѣе это естественно со стороны юноши, уму котораго тогдашняя государственная и общественная жизнь открывала такую перспективу интересныхъ, живыхъ вопросовъ. Да, эпоха, когда Иннокентій Іустиновичъ окончилъ гимназію, была эпоха великаго подъема духа, эпоха здоровыхъ идеаловъ, эпоха, слѣдовавшая за Крымскою кампаніей. Много вопросовъ предъявляла

тогдашняя жизнь, вопросы, теоретическое изучение которых представляло особенный интерес. Вѣроятно, и выборъ факультета, сдѣланный Иннокентіемъ Іустиновичемъ, находился въ зависимости отъ этихъ условій времени. По крайней мѣрѣ, со словъ его друга и товарища по университету и факультету, профессора Ѳ. И. Леонтовича, намъ извѣстно, что въ пытливомъ умѣ и тепломъ сердцѣ Патлаевскаго - студента тогдашняго, охватившія всѣхъ мыслящихъ людей Россіи идеи нашли плодородную почву и пустили въ ней глубокіе корни. Какъ онъ, такъ и его сверстники, конечно, лучше, чѣмъ послѣдующія поколѣнія, могли оцѣнить все величіе главнѣйшаго преобразования прошлаго царствованія — освобожденія личности милліоновъ изъ-подъ всесторонней и долговременной опеки. Живѣе, сильнѣе было это чувство въ чело-вѣкѣ, стоявшемъ на рубежѣ двухъ эпохъ, въ чело-вѣкѣ, на глазахъ котораго старый порядокъ доживалъ свой вѣкъ.

Вотъ въ какой атмосферѣ покойный сформировался умственно и нравственно. Вотъ условія, при которыхъ онъ выработалъ въ себѣ тѣ принципы, тѣ идеалы, какимъ онъ остался вѣрнымъ втеченіе всей послѣдующей своей дѣятельности.

Дѣятельность эта началась вскорѣ послѣ выхода Иннокентія Іустиновича изъ университета. Въ 1862 году онъ окончилъ курсъ въ университетѣ Св. Владиміра со степенью кандидата законовѣдѣнія, а ровно годъ спустя мы видимъ его уже на профессорской кафедрѣ. И на студенческой скамьѣ, слѣдовательно, какъ въ уѣздномъ училищѣ и гимназіи, онъ выдѣлился изъ толпы товарищей.

Кафедре финансоваго права Иннокентій Іустиновичъ получилъ въ лицѣ князя Безбородко (въ Нѣжинѣ), гдѣ онъ былъ профессоромъ до 1866 г.

Оставляя, за отсутствіемъ точныхъ свѣдѣній, періодъ его преподавательской дѣятельности въ Нѣжинскомъ Лицеѣ (1863—1866 гг.), мы сосредоточимъ наше вниманіе на службѣ покойнаго въ нашемъ университетѣ, куда онъ вступилъ исправляющимъ должность доцента по кафедрѣ финансоваго права 20 Іюля 1866 года.

Здѣсь намъ слѣдовало бы очертить его дѣятельность въ троякомъ направленіи, сказать по нѣскольку словъ объ Иннокентіи Іустиновичѣ, какъ объ ученомъ, преподавателѣ и дѣятелѣ факультета и совѣта.

Въ ученой литературѣ Иннокентій Іустиновичъ извѣстенъ тремя трудами, изъ которыхъ первый по времени появленія въ печати посвященъ вопросу отечественной экономической исторіи (Денежный рынокъ въ Россіи отъ 1700 до 1762 года, 220 стр., Одесса, 1868, въ Запискахъ Императорскаго Новор. унив., т. II. и отдѣльною книгой), два другіе (Теорія денежнаго обращенія Рикардо и его послѣдователей, Одесса, 1871 г., и статья «О подоходныхъ налогахъ», помѣщенная въ «Сборникъ государственныхъ знаній», т. IV)—имѣютъ теоретическій характеръ.

По поводу небольшого числа трудовъ покойнаго я не могу не сдѣлать одного замѣчанія. Дѣло въ томъ, что и здѣсь, какъ вездѣ, Иннокентій Іустиновичъ отличался большою требовательностью къ самому себѣ. Пересматривая бумаги покойнаго, я убѣдился, что, не имѣй онъ этой, можетъ быть, излишней къ себѣ требовательности, цифра его литературныхъ трудовъ значительно увеличилась бы. Не говоря уже объ издаваемомъ теперь курсѣ, въ его бумагахъ есть не мало слѣдовъ постоянныхъ его занятій своимъ предметомъ, есть матеріалъ, который другимъ не оставленъ былъ бы въ рукописи. Это, впрочемъ, сознавалъ и самъ покойный, часто въ бесѣдахъ указывая на эту особенность русскихъ ученыхъ въ отличіе отъ нѣмцевъ,

у которыхъ, какъ онъ говорилъ, ни одна строка написаннаго не остается ненапечатанною.

Но главное, вѣдь, дѣло не въ количествѣ, а въ качествѣ. А въ этомъ отношеніи уже первый трудъ покойнаго удостоился самаго лестнаго отзыва со стороны знатока того именно вопроса, которымъ Иннокентій Іустиновичъ занимался, со стороны нынѣшняго профессора Дерптскаго университета А. Г. Брикнера. Въ рецензіи своей на сочиненіе покойнаго, помѣщенной въ сентябр. книжкѣ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» за 1869 г. (стр. 160 и сл.), почтенный ученый смотритъ на «Денежный рынокъ въ Россіи отъ 1700 до 1762 г.», какъ на сочиненіе, которое, и по важности предмета, и по основательности и самостоятельности разработки, достойно вниманія специалистовъ (стр. 161—162). Сочиненіе покойнаго, по мнѣнію г. Брикнера, «выгодно отличается отъ прежнихъ трудовъ по этимъ довольно запутаннымъ вопросамъ» по способу изслѣдованія (стр. 162). Г. Брикнеръ согласенъ и съ результатами изслѣдованія покойнаго въ общемъ ихъ значеніи (стр. 166). Однимъ словомъ, довольно тщательное разсмотрѣніе труда Иннокентія Іустиновича привело рецензента къ окончательному заключенію, что «трудъ г. Патлаевскаго занимаетъ одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ въ ряду сочиненій по исторіи денегъ въ Россіи» (стр. 175). Такой выводъ тѣмъ важнѣе, тѣмъ цѣннѣе, что самъ рецензентъ уже тогда былъ извѣстенъ въ литературѣ нѣсколькими трудами по той же области, на которой подвизался покойный.

Изъ другихъ сочиненій Иннокентія Іустиновича мы остановимся на статьѣ его «О подоходныхъ налогахъ». Этотъ трудъ для насъ интересенъ именно какъ иллюстрація, какъ доказательство справедливости сдѣланнаго нами выше утвержденія, что Иннокентій Іустиновичъ втеченіе всей

своей жизни и дѣятельности остался вѣрнымъ тѣмъ принципамъ, тѣмъ идеаламъ, которые онъ выработалъ во время своего студенчества. «Предметомъ для настоящей статьи, говоритъ самъ авторъ, я избралъ вопросъ о подходящихъ налогахъ въ виду ожидаемыхъ измѣненій нашей податной системы. Мнѣ казалось не лишнимъ анализировать тѣ воззрѣнія, которые считаются господствующими въ наукѣ и европейской практикѣ, и свѣрить ихъ съ тѣми желаніями, какія несомнѣнно существуютъ въ русскомъ обществѣ, переживающемъ свое обновленіе. Всѣ великія событія нашей общественной жизни, какъ освобожденіе крестьянъ, введеніе общей воинской повинности, развитіе самоуправленія, уничтоженіе тѣлеснаго наказанія, новые суды и т. д., въ основѣ своей имѣютъ одну общую, животворящую идею — это *гражданскую свободу или освобожденіе личности*» ¹⁾. Эту идею онъ и кладетъ въ основу своего взгляда на подходящие налоги. Иннокентій Іустиновичъ находитъ ихъ несправедливыми потому именно, что въ основѣ ихъ лежитъ ученіе, по которому рабочая плата есть доходъ, при томъ совершенно равносильный доходу съ капитала, человѣческая же личность — капиталъ, вещь, приносящая этотъ доходъ. Покойный требуетъ «строгаго разграниченія личности отъ имущества», только въ послѣднемъ онъ видитъ «справедливый объектъ податнаго обложенія» ²⁾. «Свободное лицо, говоритъ онъ, съ своими цѣлями, стремленіями и силами должно оставаться лицомъ и не дѣлаться имуществомъ. Только при существованіи рабства рабы могутъ составлять имущество и на ряду съ вещами могутъ быть разсматриваемы, какъ имущественная сила и слѣдовательно какъ податная способность своего владѣльца» ³⁾.

¹⁾ О подходящихъ налогахъ, отдѣльный оттискъ, стр. 92.

²⁾ *ibid.*, стр. 91.

³⁾ О подох. налог., стр. 17.

Господство государства надъ личностью, продолжаетъ покойный, «въ существѣ дѣла ничѣмъ бы не отличалось отъ частнаго господства лица надъ вещью (собственность), еслибы со стороны объекта этого господства не было притязаній на правомѣрный порядокъ. Будутъ ли притязанія эти на правомѣрный порядокъ выходить изъ прирожденныхъ правъ человѣка, или изъ природы и назначенія самаго государства, во всякомъ случаѣ мы видимъ, что эти притязанія имѣютъ жизненные основы, на нихъ опирается и опирается прогрессъ политической жизни европейскихъ государствъ». «Правомѣрный порядокъ въ обнаруженіи государственной власти будетъ состоять именно въ томъ, что государство, при всѣхъ своихъ требованіяхъ, при всѣхъ обнаруженіяхъ своей власти, будетъ относиться къ подданному не только какъ къ человѣческой особи, но и какъ къ личности» ¹⁾).

Такъ покойный отстаивалъ личность въ сферѣ своей спеціальности, такіе предѣлы устанавливалъ онъ государству въ его отношеніяхъ къ подданному, такъ высоко цѣнилъ онъ правомѣрную свободу личности. Отсюда его живѣйшая антипатія къ теоріямъ поглощенія личности даже во имя общественныхъ интересовъ. Для Иннокентія Іустиновича всякія теоріи, игнорирующія индивидуальную свободу личности, были равносильны теоріи стараго, знакомаго ему крѣпостничества, практикѣ восточныхъ деспотій, для него все это пахло «стамбульскимъ правомъ».

Но преклоненіе покойнаго предъ личностью не принадлежало къ разряду такихъ, которыя за правами не видятъ обязанностей. Да это и немыслимо со стороны того кто смотритъ на отношенія государства къ подданному съ точки зрѣнія *правомѣрной* свободы.

¹⁾ *ibid.*, стр. 67.

Нѣтъ, ставя предѣлы государству въ его отношеніяхъ къ личности, онъ предъявлялъ и къ послѣдней требованія какъ юридическаго, такъ и нравственнаго характера. Отсюда — негодованіе, въ которое онъ приходилъ отъ трактованія человѣка, какъ «особь человѣческой породы».

Таковъ былъ Иннокентій Іустиновичъ, какъ мыслитель. Такимъ онъ былъ и какъ университетскій дѣятель.

Какъ преподаватель, онъ стремился только къ одному — къ точности и ясности изложенія. Терпѣть онъ не могъ трескучихъ, красивыхъ фразъ ни въ ученыхъ трудахъ, ни на каедрѣ. Входить въ подробную оцѣнку его чтеній мы здѣсь не будемъ какъ потому, что курсъ его достаточно оцѣненъ цѣлою ученою коллегіей, въ виду которой при томъ былъ въ высшей степени сочувственный отзывъ спеціалиста (г. Федоровича), такъ и потому, что судить о немъ можетъ и самъ читатель.

Ограничусь поэтому краткой характеристикой другихъ сторонъ университетской дѣятельности покойнаго, на сколько я знаю о ней отчасти изъ опубликованныхъ документовъ, отчасти со словъ его самого и его совѣтскихъ товарищей.

Въ совѣтѣ университета, гдѣ онъ получилъ мѣсто члена со времени избранія въ экстраорд. профессора (13 апр. 1871 г.)¹⁾, а также въ факультетѣ дѣятельность Иннокентія Іустиновича проникнута взглядами, явившимися отраженіемъ того же уваженія къ правомѣрной свободѣ личности. Покойный уважалъ свободу академическаго преподаванія. Онъ живо представлялъ себѣ (его слова) «все несчастіе, могущее послѣдовать отъ взгляда на совѣтъ, какъ на фанатическую секту, изгоняющую всякаго за неизлюбленное ученіе». Но онъ былъ врагъ такого порядка, при которомъ преподаватель, вмѣсто науки, вмѣсто

¹⁾ Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ былъ возведенъ въ ординарные профессора.

изложенія ея въ системѣ и видѣ, въ какомъ она въ данное время существуетъ во всемъ цивилизованномъ мірѣ, навязываетъ слушателямъ только свои произвольныя, личныя теоріи, игнорируя все, что не согласно съ его взглядами. Покойный не былъ противникомъ критики существующаго. Но онъ требовалъ, чтобы критикующей и тѣ, въ кому послѣдній обращается, прежде всего отчетливо знали то, что подвергается критикѣ.

Такъ Иннокентій Іустиновичъ относился и къ сочиненіямъ, претендующимъ на научное значеніе. Онъ допускалъ и даже привѣтствовалъ оригинальныя воззрѣнія, но требовалъ, чтобы патентъ на ученость выдавался только за сочиненія, написанныя въ объективно-научномъ духѣ, при пользованіи чисто-научными методами.

Такими же соображеніями руководствовался покойный при подачѣ своего мнѣнія по самымъ серьезнымъ вопросамъ, по вопросамъ о пополненіи университета новыми научными силами. Самъ всегда самостоятельный, онъ цѣнилъ это качество въ другихъ. Я знаю случаи, когда именно самостоятельность, стойкость въ проведеніи и защитѣ своихъ убѣжденій навсегда привлекали симпатіи покойнаго даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ не раздѣлялъ этихъ убѣжденій.

Отличаясь такими чертами характера, Иннокентій Іустиновичъ, какъ членъ коллегіи, неминуемо долженъ былъ оказаться въ числѣ борцовъ. Но борясь за свои убѣжденія, покойный всегда открыто подставлялъ свою грудь подъ удары противниковъ. Терпѣть онъ не могъ дѣйствій изъ-за угла, изъ-за спины другаго. Не позволяя этого себѣ, онъ не терпѣлъ подобнаго и въ противникахъ. Если, такимъ образомъ, онъ былъ разборчивъ въ средствахъ, то тѣмъ болѣе цѣли его были чисты. Про покойнаго поистинѣ можно сказать, что служить онъ былъ радъ, но прислуживаться было ему не только тошно, но даже психологически не

возможно. Не прислуживался онъ никому — ни начальству, ни аудиторіи. Не было, кажется, человека, болѣе враждебнаго всякому искательству популярности. Не мудрено, что иногда и начальство, и слушатели составляли о немъ ошибочныя мнѣнія. Для однихъ онъ былъ своеправнымъ, рѣзкимъ, беспокойнымъ, иногда даже и того хуже.... Другимъ онъ казался суровымъ, педантомъ. Но такъ только казалось. Я помню печальную исторію, печальное недоразумѣніе во время моего студенчества. Не зная тогда покойнаго, т. е. зная его такъ, какъ знали его мои товарищи, я думалъ, что онъ былъ на сторонѣ людей, говорившихъ: нѣтъ вамъ пощады! Только впоследствии, когда я сталъ его товарищемъ по службѣ, узналъ я, что это было далеко не такъ, что судъ его былъ милостивъ, что въ груди его билось доброе сердце.

Покойный былъ всегда одинаковъ — и на кафедрѣ, и въ совѣтѣ, и предъ начальствомъ, и самъ какъ начальство. Всѣ знали, что если онъ сказалъ что-либо, то это сказали и Патлаевскій, и профессоръ, и членъ совѣта, и деканъ факультета.

Въ роли начальства, декана юридическаго факультета, онъ, впрочемъ, фигурировалъ не долго (съ 12 іюня 1881 по 11 ноября 1882 г.). Въ 1882 г. онъ былъ опредѣленъ на должность директора Одесскаго Коммерческаго училища, гдѣ въ продолженіе многихъ лѣтъ предъ тѣмъ онъ былъ преподавателемъ политической экономіи и торговаго права. И здѣсь кратковременное его директорство оставило самыя пріятныя воспоминанія. Чувства скорби о потерѣ, въ лицѣ покойнаго понесенной учащими и учащимися, выразилъ одинъ изъ его товарищей по службѣ въ коммерческомъ училищѣ, теперешній инспекторъ этого училища, П. А. Искра въ стихотвореніи своемъ на смерть Иннокентія

Густиневича, произнесенномъ у могилы усопшаго¹⁾. О живой скорби какъ учащихъ и учащихся, такъ и личного состава разныхъ учреждений, съ которыми соприкасался или членомъ которыхъ состоялъ покойный, свидѣтельствовали и тѣ многочисленныя вѣнки, которые возложены были на гробъ усопшаго²⁾.

Но болѣе всѣхъ скорбятъ многіе изъ его университетскихъ товарищей, въ особенности тотъ кружокъ, котораго онъ былъ душою. Не услышатъ они его веселаго юмора, въ серьезномъ дѣлѣ—его правдиваго, честнаго, умнаго слова, такъ мѣтко попадавшаго въ суть. Уста эти, шевелившіяся только для правды, сомкнулись на всегда 10 августа 1883 г.

То, что человѣкъ говорить, что дѣлаетъ въ виду сознаваемой и близкой смерти, имѣетъ особое значеніе для истинной характеристики личности. Такъ пусть же свидѣтели послѣднихъ минутъ почившаго³⁾ подтвердятъ, что послѣднія мысли и заботы покойный дѣлилъ между единственной своей родственницей—сестрой (для которой, по справедливому слову профессора А. Н. Кудрявцева, онъ былъ не только братомъ, но и отцомъ)⁴⁾ и дорогимъ ему университетомъ. Интересы и дѣла университета были предметомъ не только послѣдней его мысли, но и того бреда, который сопровождалъ послѣднюю борьбу этого борца въ жизни—борьбу со смертію.

Проф. В. Палаузовъ.

¹⁾ Стихотвореніе это напечатано въ № 178 Одесскаго Вѣстника за 1883 г. (отъ 13 августа).

²⁾ Вѣнковъ было 12: отъ профессоровъ университета, отъ бывшихъ слушателей, отъ признательныхъ учениковъ (3), отъ Одесскаго Комитета торговли и мануфактуръ (секретаремъ котораго покойный состоялъ), отъ Одесскаго Биржеваго Комитета, отъ Одесскаго Болгарскаго Настоятельства, отъ Попечительнаго Совѣта Коммерческаго училища и др. (См. описаніе похоронъ въ Новороссійскомъ Телеграфѣ за 1883 г., № 2554).

³⁾ Въ послѣдніе дни покойнаго часто навѣщали, кромѣ пишущаго эти строки, профессора С. П. Ярошенко и А. Н. Кудрявцевъ и тогдашній инспекторъ Комм. училища Г. Ф. Шейбе.

⁴⁾ См. слово, сказанное протоіереемъ и профессоромъ А. Н. Кудрявцевымъ при погребеніи покойнаго.